

СВЯТОЙ ХУАН ДЕ ЛА КРУС

В 1542 году, за четыре года до смерти Лютера и за три года до начала Тридентского Собора, в Фонтиверосе, маленькой кастильской деревушке, родился Хуан де Йепес, жизнь и деятельность которого стала как бы живым ответом - не единственным, но, конечно, одним из наиболее глубоких и решительных, - которые Богу угодно было дать людям того смутного времени - второй половины XVI века. Его называли "мистическим Учителем", и он оставил нам самые возвышенные образцы мистической поэзии в испанской литературе.

Мы говорили о "глубоком" ответе, и действительно, читая жизнеописание этого святого и его произведения, трудно заметить, что Церковь его времени была охвачена кризисом протестантизма и кризисами другого рода; в его сочинениях нет никакого упоминания о том, что во Франции того времени шли жесточайшие религиозные войны, что европейцы огнем и мечом покоряли Новый Свет, что в Испании свирепствовала инквизиция; в них почти не отразились яростные споры на Соборе и после него о реформе духовенства и монастырей - все, что до слез волновало Терезу Авильскую, которая была старше него почти на тридцать лет и избрала его своим первым сподвижником в деле реформы старого Ордена кармелитов.

Хуан де Йепес, впоследствии принявший прозвище "де ла Крус" (Иоанн Креста), кажется, живет в другом мире: он нашел себя в повседневной жизни, особенно в жизни бедных людей (ему нравилось работать подмастерьем с каменщиками, которые строили и ремонтировали маленькие монастыри, где ему доводилось жить); он нашел себя в жизни своего монашеского ордена, в котором почти всегда занимал должность настоятеля и ответственного за воспитание; он нашел себя прежде всего в деле духовного руководства теми, кто обращался к нему, прося помочь им обратиться и любить Бога всем сердцем своим; однако он жил в ином мире,, если говорить о тех важных событиях, одним из главных действующих лиц которых мы ожидали бы его увидеть.

Попробуем сразу же предложить некий ключ к его личности и ко всей его деятельности, исходя из Священного Писания (а это гораздо более существенная и ценная точка отсчета, чем то представляется на первый взгляд).

Каждый христианин знает, что в Библии рассказывается об истории спасения. Иными словами, об истории счастливой любви, движимый которой. Бог создал человека по образу Своему; истории милосердной любви, с которой Бог снизошел до Своего падшего творения, восстановив с ним завет (сначала с

несколькими Своими друзьями: Авраамом, патриархами, Моисеем, а потом - со всем народом); об истории пришествия Самого Сына Божьего как Спасителя всего человечества, которое должно постепенно стать Его Невестой - Церковью, рожденной из воды, истекшей из ребра Иисуса, прободанного на Кресте, Церковью, предназначение которой - непрестанно утверждаться в супружеской любви к Иисусу.

Поэтому вся священная история проникнута символикой супружеской любви, более реальной, чем сама реальность, и поэтому в христианстве любовь мужчины и женщины становится Таинством, то есть действенным знаменем, воплощенным символом иной, более великой любви.

Брачная любовь Христа к каждому творению - это реальность. Любая другая любовь - лишь намек, знамение.

Об этом говорит христианская вера: "Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, пребывает в Боге и Бог в нем".

Что же мы находим в многочисленных библейских книгах? Историю взаимоотношений творений с Богом - историю, отмеченную всеми событиями человеческой жизни: рождением и смертью, удачами и неудачами, миром и войной, страданиями и радостями, грехами и искушением, созиданием и разрушением, успехами и поражениями. В Библии есть все, и ее главные герои - самые разнообразные люди: цари и пророки, воители и мудрецы, богатые и бедные, святые и грешники, люди выдающиеся и самые обыкновенные.

Однако среди всех книг Священного Писания есть одна особенная, единственная в своем роде, которая подобна его сердцу: в ней - объяснение и животворный источник всех других книг, всех других событий - это Песнь Песней.

Но если взять и внимательно прочесть эту книгу, что мы в ней найдем? Длинное, прекраснейшее стихотворение о любви: это может быть правдивый рассказ о любви двух молодых людей, это может быть символическая поэма о бесконечной любви Ягве к избранному народу, это может быть пророчество о воплощении Сына Божьего, грядущего, чтобы принести нам в дар Самого Себя, Свое Тело в Евхаристии.

Как бы то ни было, Песнь Песней входит в нашу Библию и освещает ее всю: как Ветхий, так и Новый Завет, бросает на всю Библию свой свет, и в ее красоте находит свое разрешение любая трагедия.

Чего-то похожего - гораздо более "похожего", чем это кажется на первый взгляд, - Бог потребовал от Хуана де ла Крус в этот ключевой, поистине уникальный момент истории Церкви: Он потребовал от него продолжить и переосмыслить Песнь Песней. Однако для того, чтобы он по-новому прочитал Библию, Бог заставил его пережить эту поэму на своем весьма своеобразном

жизненном опыте, который был историей любви, подражавшей любви Иисуса Распятого и ей сопричастной.

Сказав это, мы уже сказали все существенно-важное. Нам остается только перейти к рассказу о жизни Хуана де ла Крус. Обычно его биографы не уделяют достаточно внимания тому знамению, которое было заложено в самом рождении великого мистика.

Когда Данте задумал написать вечную, имеющую общечеловеческое значение поэму, он сделал мужественный выбор. Согласно обычаям того времени, он должен был бы писать эту поэму на латыни, которая в те времена считалась языком "вечным и нетленным". Однако он решил предпринять великое дело - рассказать все, что он знает о жизни, на народном языке, объясняя свой выбор таким образом:

"Мой дорогой родной язык был одним из элементов союза моих родителей, на нем говоривших; и как огонь раскаляет железо для кузнеца, который потом кует из него нож, так и родной язык был сопричастен моему рождению и является сопричиной моего бытия" (Пир 1, 13).

Нечто похожее мы должны сказать о языке любовной поэзии - тоже единственном в своем роде, - который станет языком скромного, смиренного, невзрачного монаха, достигшего крайней степени умерщвления плоти. Песнь Песней, которую Хуан де ла Крус продолжил во время Церкви, началась, таким образом, в его материнском доме.

"Материнском", потому что у его отца было отнято право дать дом своим детям.

Гонзало де Йепес, отец Хуана, был выходцем из знатной толедской семьи. Он занимался торговлей шелком, что в то время было делом очень прибыльным. Путешествуя по делам, он встретился с молодой красивой ткачихой Каталиной Альварес - она осталась сиротой и была очень бедна. Он влюбился в нее и женился на ней наперекор воле своих богатых родителей, лишивших его наследства. Так Гонзало тоже стал столь беден, что его молодой жене пришлось поселить его в своем смиренном доме и научить ремеслу.

Родилось трое детей: в доме царила удивительная любовь и покой, но бедность граничила с нищетой.

Вскоре после рождения Хуана его отец тяжело заболел, и за два года его болезни истощились последние сбережения семьи.

Когда Екатерина осталась вдовой с тремя детьми, ей было даже нечем кормить их. Пешком, ведя с собой двух малышек и неся на руках Хуана, побираясь, она пешком пришла в Толедо, чтобы просить богатую родню мужа о помощи, однако не получила ничего. Несчастная семья продолжала бедствовать, а впоследствии странствовала, стараясь перебираться в более крупные города, где было легче получить кое-какую помощь.

Франсиск - старший из детей Екатерины - уже вырос и начал помогать семье, второй ее сын Луис умер, не вынеся лишений, а Хуана послали в колледж для детей-сирот, где он начал учиться и одновременно прислуживал в больнице для сифилитиков в Медине дель Кампо.

В конце концов дела несчастного семейства пошли на лад, и оно сразу же стало помогать тем, кто был еще беднее: в дом взяли брошенного ребенка и ухаживали за ним до самой его смерти.

Наш рассказ поневоле краток и неполон, но мы должны хотя бы постараться ощутить ту необычайную атмосферу, которой дышал маленький Хуан: атмосферу, проникнутую любовью и страданием, внутренним богатством и внешней бедностью, однако не любовью, которая тяжело уживается со страданием и бедностью, но богатой любовью - любовью отца, принявшей нищету ради любви и, в свою очередь, обогатившейся бедностью и любовью матери, - и для их детей богатство и бедность, любовь и страдания навсегда останутся таинственно связанными.

И это справедливо не только для Хуана, но и для Франсиска, старшего брата, которого Хуан на протяжении всей своей жизни любил больше, "чем кого-либо на земле", и который также стал святым (хотя и менее известным) и умер в глубокой старости, в возрасте семидесяти семи лет, стяжав славу человека святой жизни и чудотворца.

В годы детства и юности Хуан уже обладал всеми человеческими и духовными задатками, которых было достаточно для исполнения того особого призвания, которое уготовал ему Бог.

Выдающийся литературный критик Дамазо Алонзо, комментируя стихи Хуана де ла Крус, задавал себе вопрос о том, мог ли бы он обладать таким образным языком и такой тонкой восприимчивостью, если бы в своей юности хотя бы несколько раз не был сражен "парой прекрасных девичьих глаз". Здесь перед нами попытка усмотреть в его мистической экзальтации отклик земных переживаний. Но, быть может, критик забыл о том, что в истории Хуана де ла Крус очарование влюбленных глаз, требующих ответной любви, было именно историей рождения его собственной семьи - что-то из Песни Песней повторилось в его юности и стало частью его "родного языка".

Когда Хуану исполнилось 21 год, весь опыт любви, бедности и мудрости, который он впитал, воплотился для него в призвании стать монахом-кармелитом: сосредоточиться на созерцании Бога, на молитве и умерщвлении плоти, устремив взгляд на Деву Марию Кармельскую - нежнейший образец материнской любви - через которую дается всяческая благодать.

В воспитании, полученном им в монастыре, наибольшее влияние на всю его жизнь, несомненно, имело указание из классического руководства ордена по духовной жизни, в котором говорится: "Если ты хочешь укрыться в любви и достичь цели твоего пути, чтобы пить из источника созерцания..., ты должен

избегать не только того, что запрещено, но и всего того, что мешает тебе любить еще горячее".

Итак, для Хуана наступили годы монашества, изучения философии и богословия в знаменитом Саламанкском университете. Учение было ему в радость, он был одарен острым умом и твердой логикой, а молитва и аскеза помогали ему совершенствоваться в душевной и физической жизни (он избрал для себя маленькую, темную келью только потому, что из ее единственного окна был виден клирос, и проводил там долгие часы, углубившись в созерцание дарохранительницы).

Однако чрезмерно суетную университетскую жизнь трудно было совместить с мистическим опытом любви и креста, которым по воле Божьей было отмечено рождение Хуана и от которого он отныне не мог отказаться.

Незадолго до принятия рукоположения он пришел было к решению, что его призвание скорее в полном затворничестве и созерцании, и собирался сменить орден, но именно тогда он встретился с Терезой Авильской. Шел 1567 год.

Монахиня-кармелитка, одаренная необычайным обаянием, была на тридцать лет старше него. За ее плечами были долгие, мучительные поиски призвания. Но ее душа успокоилась с тех пор, как несколько лет назад она начала реформировать женские кармелитские монастыри, стремясь превратить их в маленький "рай на земле", где живет "сообщество добрых", то есть людей, которые помогают друг другу уже на этой земле "узреть Бога" чистыми очами веры, благодаря огню взаимной любви, восходящей к самому сердцу Божьему. Стремясь сделать их монастырями, которые взяли бы на себя обязанность быть и оставаться "в сердце Церкви и мира", монастырями, где молятся, где страдают, где борются, где любят за всех и вместо всех.

Тереза хотела, чтобы ее реформа охватила и мужскую ветвь ордена, более того, она считала, что это дело более важное, чем реформа женской ветви, потому что мужчины могут связать воедино созерцание (растворение личности в любви и кресте) и миссию, готовность по воле Христовой отправиться туда, где Церковь наиболее нуждается в помощи и поддержке.

Хуан согласился стать ее сподвижником и разделить ее судьбу: он возвратился в Саламанку, чтобы окончить учебу и рукоположиться в священники, а Тереза тем временем стала искать маленький монастырь для первых реформированных кармелитов.

Это она собственноручно раскроила и сшила для Хуана де ла Крус бедную монашескую одежду из грубой шерсти.

Новая жизнь началась в Дурвеле. Это было такое затерянное селение, что Терезе в первый раз пришлось потратить целый день на его поиски.

Под монастырь приспособили старую постройку: на чердаке, где можно было стоять, только пригнув голову, устроили хор, в прихожей устроили капеллу, в углах хоров - две кельи, такие низкие, что голова касалась потолка. Маленькая кухня, разделенная пополам, служила одновременно и трапезной. Повсюду на стенах висели деревянные кресты и бумажные картинки.

Отец Хуан установил на площадке перед монастырем большой крест, который был издали виден каждому, кто направлялся к ним. В новом монастыре "отшельники" вели не-обычайно суровую жизнь, но вся она была проникнута глубокой, сокровенной нежностью, питавшейся долгими молитвами, столь сосредоточенными, что иногда монахи даже не замечали, что молятся; из монастыря они отправлялись проповедовать крестьянам из соседних сел, лишенным всякого духовного окормления, и исповедовать их.

Когда Тереза впервые приехала навестить их, она была глубоко тронута и, по ее словам, маленький монастырь показался ей "преддверием Вифлеема".

Хуан - на сей раз по своему свободному выбору - вновь воссоздал вокруг себя атмосферу своего детства, где любовь сочеталась со свободно избранным страданием и бедностью. И его монашеская жизнь так гармонировала с его детством, что на некоторое время Хуан позвал своих родных жить вместе с ними: пока братья проповедовали, его мать Каталина готовила для общины скромную еду, брат Франсиск убирал комнаты и постели, а жена брата Анна стирала белье.

Так родился Кармель, который задумала и пожелала создать св. Тереза, и опыт жизни монашеской общины был для братьев столь богатым и глубоким, что они навсегда сохранили верность избранному пути.

Мы не можем сейчас останавливаться на всех перипетиях этой истории, которая вскоре стала сложной и трагичной (в те времена монахи, которые хотели преобразований, часто сталкивались с неудовольствием и сопротивлением тех, кто считал, что никакой реформы не нужно, как это часто происходит в Церкви; а братья-реформаторы столь же часто не проявляли достаточного терпения). Обратимся к сути нашей истории.

Близился конец 1577 года. Уже почти пять лет Хуан де ла Крус жил в Авиле. Св. Тереза, которую против ее воли назначили настоятельницей большого женского кармелитского не-реформированного монастыря (того самого монастыря, из которого она в свое время удалась), призвала к себе Хуана де ла Крус, чтобы сделать его своим помощником в деле духовного перевоспитания. Они работали вместе, и беспокойный монастырь, где жило более 130 сестер, постепенно становился тем, чем он должен был быть: обителью молитвы и любви. Но, в силу присутствия двух великих реформаторов, он стал и местом, где зрело недовольство людей, считавших их неумными и непослушными авантюристами.

В то время иерархия церковных властей была неустоявшейся и противоречивой: был нунций, действовавший от имени Папы, но был и представитель генерала ордена, власть которого точно так же признавалась Святейшим Престолом, были, далее, советники и представители короля Филиппа II, которые также действовали согласно римским обычаям и полномочиям, полученным от Рима. В какой-то момент было уже невозможно разобраться, кто должен повелевать, а кто - повиноваться, и каким образом это делать.

Как бы то ни было, представитель генерала ордена, которому слишком поспешно повиновались нетерпеливые подчиненные, дал приказ схватить Хуана де ла Крус и бросить его в тюрьму.

В те времена жизнь Церкви была организована так же, как жизнь королевства, и в монастырях тоже была келья-темница для непокорных братьев.

Однако с Хуаном его братья поступили с необычной жестокостью: связав его и подвергнув всяческим унижениям, как Христа, взятого под стражу, его привезли в Толедо, где на берегах Тахо высился большой монастырь. Его бросили в маленький закуток, выдолбленный в стене, который иногда служил отхожей ямой и куда почти не проникал свет солнца, лишь через узкую щель шириной в три пальца видно было соседнее помещение, и только в полдень Хуану удавалось читать свой breviарий - единственную вещь, которую ему оставили.

Там он провел почти девять месяцев на хлебе и воде (иногда ему давали сардину или пол-сардины), в одной одежде, которая гнила у него на теле и которую он даже не мог постирать. Каждую пятницу его били в главной трапезной бичом по плечам так сильно, что шрамы от ударов не затянулись даже много лет спустя. Затем его осыпали упреками: ему говорили, что он борется за реформу только потому, что стремится к власти и хочет, чтобы его почитали за святого. Его мучали вши и сжигала лихорадка.

Св. Тереза, которая знала о происходящем, написала королю Филиппу II страшные слова:

"Обутые (то есть неререформированные кармелиты), кажется, не боятся ни закона, ни Бога.

Меня гнетет мысль о том, что наши отцы в руках этих людей... Я предпочла бы, чтобы они были среди мавров, которые, быть может, были бы милосерднее к ним...".

Но вот случилось чудо: открылось глубоко личное призвание Хуана де ла Крус. Бог доверил ему в современной ему Церкви живой комментарий к Песни Песней. В жуткой тьме, окутывавшей его в глубокой ночи заточенья из сердца Хуана де ла Крус рождаются горячие, полные света стихи о любви.

В них используются библейские образы, но по стилю и форме они принадлежат поэзии того времени.

Он сочиняет их в уме и создает необычайно богатый мир образов, символов, чувств: мир, где красота предстает как крик души, ищущей Христа, как Невеста ищет своего Жениха, и становится непобедимым влечением к Богу, во Христе ищущему Свое творение.

Ночь - страшная тьма в заточенье, стремящаяся поглотить саму душу бедного, изможденного и преследуемого монаха (ему сообщали ложные известия, чтобы убедить его в том, что все потеряно и что начатое им дело погибло) - стала неизбежным условием того, чтобы двинуться в путь к миру откровения Божьего, оставив за своей спиной все, что могло отвлечь от этого великого предприятия.

Это "великое одиночество всего сущего", глубокое молчание, в котором слышно, как текут самые источники воды жизни, нисходящей от Бога к нам, и это течение является реальностью - "даже если вокруг - ночь". Во тьме, "даже если вокруг - ночь", человек все равно знает, что жажда воды и земли утоляется, что прозрачная вода никогда не замутится и что она в конце концов утолит жажду всякого творения, даже "если сейчас ночь".

Согласно Хуану де ла Крус, именно образы ночи-света-утоления голода в их взаимосвязи открываются нам в двух великих тайнах: тайне Троицы, всеобъемлющего потока жизни, и таинстве Евхаристии.

Стоит ночь: ночь, когда все спят, а узник пытается бежать, рискуя разбиться (как сам Хуан чуть не разбился, упав из окна на каменистые берега Тахо); ночь, когда "никто не видит тебя" и сам ты никого не видишь, но в сердце горит путеводный огонь, просвещающий тебя лучше, чем "солнечный свет в полдень".

В течение этих страшных месяцев во мраке своей темницы Хуан начинает, таким образом, свой путь в библейском мире Откровения Божьего, как будто Бог перенес его туда силой благодати и сделал одним из главных героев Библии.

Подобно псалмопевцу, он чувствует себя изгнанником, сидящим на реках Вавилонских, где все требуют от него песен веселья, петть которых он больше не может.

"На реках, которые я созерцал в Вавилоне, я сидел и плакал, и орошал слезами землю, вспоминая о тебе, Сион, родина моя, которую я так любил".

Хуан, скорбящий в изгнании, также вспоминает свою родину, но в ветхозаветных стихах для него звучит весть о воскресении Христовом:

"И я был уязвлен любовью, поразившей мое сердце. Я попросил любовь убить меня, если так глубоки ее раны. Я приказал огню охватить меня, зная,

как он жжет. В себе самом я умирал, и только в Тебе обретал дыхание. Снова и снова я из-за Тебя умирал, и из-за Тебя воскресал. Достаточно было воззвать к Тебе, чтобы утратить и обрести жизнь".

Несчастный заключенный, призванный узреть светоносное откровение, сочиняет и романсы, в которых несколько монотонная рифмовка служит свидетельством того, как трудно было памяти нанизывать один стих за другим, чтобы не забыть их. В форму романса Хуан облакает начало Евангелия от святого Иоанна: "В начале было Слово", представив его в виде исполненного любви диалога между Богом Отцом и Сыном, и рассказ Евангелий о рождении Иисуса.

Вся евангельская история предстает как брачное празднество, устроенное Отцом, который дарует Сыну Свое творение, и как брачный дар Сына, отдающего Свое тело в жертву, чтобы искупить его и вернуть Отцу. В центре этого празднества - Мария (об этом - последние слова романсов): Мария, с изумлением вззирающая на нечто чудесное и до сих пор небывалое: Бог, ставший ребенком, плачет человеческими слезами, а человек испытывает в душе своей радость Божью.

Но лучшее из стихотворений Хуана - это знаменитая Духовная песнь, которую он сам не боялся сравнивать с Песнью Соломоновой, признаваясь, что он написал ее, вдохновленный Духом Святым, и сам не мог бы истолковать ее, настолько ее строки богаты "переизбыточествующей мистической премудростью": "Кто может описать то, что Он дает почувствовать влюбленным душам, в которых Он пребывает? И кто сможет выразить словами то, что Он дает им ощутить? И те желания, которые Он влагает? Конечно, никто не может сделать этого, даже сам человек, с которым все это происходит".

Хуан, по его собственным словам, стал одним из тех людей, которые "от переизбыточествующего Духа раздают сокровенные тайны". Даже на психологическом уровне трудно объяснить, как может заключенный в темницу человек, доведенный до последней степени физического истощения, найти в себе источник такой чистой, ясной, пламенной, исполненной жизни поэзии, столь богатой цветами, звуками, воспоминаниями, желаниями, страданиями, нетерпеливыми устремлениями.

Вот лишь несколько строк: -

"Все разглагольствуют, рассказывая о великих Твоих благодатных дарах, и все сильнее уязвляют меня, оставляя мне, угасшей, что-то, о чем они бормочут...".

- "О хрустально-чистый источник, если бы в твоих серебристых бликах мне вдруг увидеть желанные глаза, образ которых глубоко запечатлен в моей душе!".

- "Любимый мой подобен холмам, безлюдным долинам, заросшим густым лесом, пустынным полянам, журчащим источникам, нежнейшему шелесту ветерка... Отдохнувшей ночи, когда она обращается к свету зари, приглушенной музыке, звучащей в пустыне, трапезе, укрепляющей и пробуждающей любовь".

- "Если меня больше не будет слышно, если меня нельзя будет ни увидеть, ни отыскать, скажите, что я заблудилась, что я влюбилась и, блуждая, пожелала погубить себя и была завоевана".

Это песнь влюбленной души, буквально продолжающая и подхватывающая - в новозаветных и церковных образах - Песнь Песней, а также содержащая отзвуки многочисленных комментариев, которые Отцы Церкви посвятили этой блистательной и таинственной книге.

Когда через девять месяцев в канун праздника Вознесения Хуану де ла Крус ночью удалось бежать из темницы, рискуя разбиться на каменистых берегах Тахо, он нашел приют в кармелитском женском монастыре в Толедо (вспомним, что в созерцательных монастырях Церковь хранит живой, достопоклоняемый образ Невесты Христовой), а потом - в монастыре Беаса.

Когда он вошел в приемную, монахини были поражены его видом. Они говорили: "Он был похож на мертвого - кожа да кости, и был так изможден, что почти не мог говорить, был истощен и бледен, как мертвец. Несколько дней он провел, замкнувшись в себе, и говорил на удивление мало".

Чтобы ободрить его и нарушить гнетущее молчание, настоятельница (которой впоследствии Хуан посвятил комментарий на свою Духовную песнь) приказала двум молодым послушницам спеть несколько строф из духовных песнопений.

Это был грустный напев, сочиненный одним отшельником. В нем были слова: "Тот, кто не испытал скорби в этой юдоли слезной, никогда не вкушал блага и никогда не вкушал любви, ибо скорбь - облачение влюбленных".

И вот что рассказывают о происшедшем две молодые монахини:

"Скорбь его была столь велика, что из глаз его полились обильные слезы и заструились по его лицу... Одной рукой он оперся на решетку, а другой делал знак прекратить пение".

Но больше всего поразило их то, почему плакал Хуан. Он сказал им, что "скорбит о том, что Бог посылает ему мало страданий для того, чтобы он смог поистине вкусить любовь Божью".

Много лет спустя, когда та же настоятельница напомнила ему о времени, проведенном в темнице, Хуан, тихо покачав головой, сказал ей: "Анна, дочь моя, ни один из тех благодатных даров, которые Бог послал мне там, нельзя

оплатить всего лишь тюремным заключением ("carcelilla"), пусть даже многолетним".

И это "всего лишь" означает, что маленькая, удушливая темница в его сознании и воспоминании стала чем-то мелким и незначительным по сравнению с чудом, там происшедшим!

У нас нет возможности подробно рассказать о всех событиях, отметивших жизненный путь Хуана де ла Крус.

После толедской тюрьмы ему оставалось жить всего четырнадцать лет, и в течение всего этого времени он был настоятелем многочисленных монастырей и пользовался всеобщей любовью и уважением, хотя его всегда держали на втором плане. Его духовного руководства искали главным образом те, кто просил его направить их путь к Богу.

Все, кто его любил, свидетельствуют о том, что нам кажется почти невозможным: с одной стороны, Хуан нес бремя Креста во всей его тяжести (Креста как аскезы, умерщвления, строгого соблюдения правил, суровой требовательности к себе и к другим), с другой стороны, в его присутствии живо и явственно ощущалась атмосфера воскресения - нежности, мягкости, понимания, способности сделать привлекательным и желанным даже самый тяжкий и горький путь.

"Влюбленная душа, - писал Хуан, - это душа нежная, мягкая, смиренная и терпеливая".

В этом - таинственная связь ничтожного творения с Творцом мироздания, но в исследованиях, посвященных жизненному опыту и произведениям этого святого, обращалось недостаточно внимания и не было достаточно хорошо понято то, что речь идет не о его "системе", но о его глубоком мистическом опыте переживания пасхальной тайны: тайны Голгофы (темницы), из которой воскресло Слово как вдохновенная, животворная поэзия.

Хуан учит всех, что смерть может также означать жизнь, тогда как иногда жизнью называют то, что на самом деле есть смерть.

Хуан де ла Крус знаменит тем, что достиг одновременно двух высот, внешне друг другу противоположных: высшей красоты в своих поэтических произведениях и высшей аскетической суровости в комментариях к своей собственной поэзии. Однако это внешнее противоречие можно понять и правильно истолковать, только размышляя о том, как два этих мира слились сначала в его детстве, а потом - в начале и расцвете его зрелости.

Между тем Хуан по-прежнему привлекал к себе души, желавшие вкусить и пережить его мистический опыт - опыт восприятия Церкви как Невесты Христовой.

Монастыри, основанные Терезой и живущие ее духом и согласно ее воле, естественно, стремились видеть Хуана де ла Крус своим наставником. И именно ради них он согласился, если можно так выразиться, явить необычайный и удивительный мистический опыт, из которого родилось его духовное наставничество.

Поскольку об этом просили его самые дорогие ему люди, весь остаток жизни он посвятил попыткам объяснить, прокомментировать свое поэтическое слово, используя все свои знания, в том числе богословские, предприняв все возможные попытки дать богословский, философский, психологический анализ своих стихов (а Хуан был одарен необычайным логическим умом), пытаясь объяснить невыразимое.

Так он согласился - из любви к Невесте Христовой - обеднить свою собственную нетленную поэзию, сведя ее к идеям, принципам и умозаключениям.

Мы говорим "обеднить" потому, что речь идет о попытках умалить библейскую и поэтическую силу его слова, вдохновленного Святым Духом, хотя с точки зрения культурно-исторической его трактаты, конечно, представляют интерес, ибо отмечены талантом и интеллектуальной мощью.

Так Хуан сочинил свои знаменитые аскетические трактаты.

Продолжая комментировать проникнутую светом поэзии Духовную песнь, сочиненную в тюрьме, он парадоксальным образом, будучи на свободе, сочинил новое стихотворение, в котором возвращался к страшному и пленительному переживанию - к воспоминанию о Ночи, когда нужно было предпринять опасный побег в поисках Любви. Это новое поэтическое произведение также комментируется, почти одновременно с первым, в двух известных трактатах: Восхождение на гору Кармель и Темная ночь, представляющих собой две части одного произведения.

Так комментарии уже при своем рождении переплетаются друг с другом, и невозможно ни разделить их, ни отдать какому-либо из них бесспорное предпочтение: смерть и воскресение чередуются в определенном ритме, но душа, входящая в пасхальную тайну, должна уподобиться одновременно Христу живому, распятому и воскресшему, и то, что Он от нее требует и в ней запечатлевает, находит свое постепенное выражение и объяснение лишь в Любви.

Так даже стиль трактатов, написанных Хуаном де ла Крус, исполненных странной, труднодостижимой гармонией, свидетельствует о том, что в них человек соприкасается с невыразимой тайной.

Для Хуана де ла Крус это было довольно мучительной работой. Насколько это было возможно, он развивает свои идеи, хотя ему никогда не удавалось проникнуть в глубь своей собственной поэзии, своих собственных образов и

прозрений. Он заключает свои идеи в рамки жестких схем, хотя ему так и не удается дать их исчерпывающее и внятное изложение. Он "объясняет", пытаясь ввести четкие разграничения, проследить все ходы мысли и в конце концов запутываясь в них. Иногда он вдаётся в слишком подробные объяснения и пространные отступления, иногда они слишком кратки. Он комментирует поэзию в прозаических сочинениях, замечая, что железная логика прозы заставляет его даже изменить порядок, согласно которому изначально излилась поэзия. Он многократно переписывает комментарии, не удовлетворяясь ими, и в конце концов их внезапно обрывает.

Даже его большой последний трактат, трактат о поэзии под названием "Живое пламя Любви" - также переделанный дважды - в первой редакции внезапно обрывается на том месте, где Хуан пытается прокомментировать прекрасную строку из своего стихотворения, когда душа говорит Святому Духу: "Как нежно Ты влечешь меня к Себе!". И комментарий обрывается почти неожиданно:

"... Святой Дух исполняет душу добротой и славой, увлекая ее таким образом к Себе, погружая ее в глубины Божьи более, чем можно описать и почувствовать. Посему на этом я кончаю".

Во второй редакции ему пришлось смягчить и исправить конец: "Увлекая ее к Себе более, чем можно выразить или почувствовать, погружая ее в глубины Бога, Которому честь и слава. Аминь".

Необходимо уточнить: богословский комментарий Хуана де ла Крус к его собственным поэтическим произведениям отмечен необычайной глубиной и блеском, однако прав фон Бальтазар, писавший: "Все прекрасно и истинно, но как безнадежно хромает толкование, не поспевая за видением! (...) Хуан совершенно прав, когда он говорит о своих вероучительных сочинениях как неясном комментарии к своей поэзии, уступающем ей".

Быть может, здесь уместны слова, сказанные самим Хуаном де ла Крус о небесном Отце, Который, произнеся Свое Слово, не хотел бы, чтобы Его продолжали спрашивать дальше:

"Если в Слове Моем, то есть в Моем Сыне, Я сказал тебе всю истину, и если у Меня нет для тебя другого откровения, как Я могу отвечать тебе или явить что-нибудь другое? Устремив взгляд на Него единого: в Нем Я сказал и открыл тебе все, и в Нем ты обретешь даже больше того, о чем просишь и чего желаешь" (2S 22,5).

Святой Дух вновь вдохнул в Хуана де ла Крус богооткровенное слово Песни Песней, вложив отзвук его в его сердце и его стихи. И, проводя справедливую аналогию, Хуан чувствует, что, произнеся слова Любви, не нужно ни спрашивать, ни добавлять уже ничего.

Мы могли бы подумать, что здесь человек уже достиг вершины своего духовного опыта, но Библия учит нас, что ни один человек, пока он жив, не может сказать, что он до конца постиг тайну Креста и Воскресения: "Я восполняю в своей плоти, - говорил св. Павел, - недостаток скорбей Христовых".

Таким образом, как в начале своей жизни и в расцвете ее, так и к концу своих дней Хуан де ла Крус вновь оказался перед той тайной смерти и воскресения, которой он себя посвятил.

В силу злонамеренного непонимания некоторые из его братьев - на этот раз не братья, отвергавшие реформу, но его собственные "босые" братья, которых он воспитал, которых любил, как своих детей, которыми гордился, называя их "лучшими людьми Церкви", восстали против него.

Многие сплотились вокруг него, защищая его, но немногие, которым он был ненавистен, обладали властью и кое-кто из них попытался даже расстричь его и изгнать из Ордена.

Но в те тягостные дни никому не удалось услышать от Хуана ни слова обличения или самозащиты. Только раз братья слышали, как он тихо прочел стих из псалма: "Братья матери моей боролись против меня".

Когда Хуана лишили всех постов, он стал вести спокойную повседневную жизнь, как всегда, радостно и смиренно работая. В одном из писем, написанных в те дни, он говорит:

"Сегодня утром мы собирали турецкий горох. Через несколько дней мы его обмолотим. Хорошо брать в руки эти мертвые творения, лучше, чем быть орудием в руках живых творений" (П. 25).

Это единственные слова, сказанные им о страшной несправедливости, жертвой которой он стал: на него клеветали самым оскорбительным образом, запугивали монахинь, заставляя их обвинить его в безнравственном поведении.

Но речь идет не о философской апатии и не о высокомерном презрении: он жестоко страдал, но никого не обвинял и не защищался.

Однажды один из братьев, очень к нему привязанный, со слезами на глазах сказал ему: "Отец мой, каким преследованиям подвергает вас отец Диего Евангелист!". Казалось бы, тут-то и можно было бы отвести душу, но тогда Хуану пришлось бы сказать горькие слова о том, кто для него был старшим по ордену. Он посмотрел на своего молодого собрата, которого столько раз учил послушанию в вере, и сказал ему: "Твои слова причинили мне гораздо более сильную боль, чем все преследования!".

Одной монахине, которая также писала ему о происходящем, он советовал: "Не думайте ни о чем, кроме того, что все предуготовано Богом. И несите любовь туда, где нет любви, и вам ответят любовью".

Когда все шло хорошо, в одном своем небольшом сочинении под названием Предостережения Хуан де ла Крус учил: "Относись к своему настоятелю с не меньшим благоговением, чем к Богу, ибо Сам Бог поставил его на это место!".

К тому времени прошло уже несколько лет с тех пор, как Хуан де ла Крус написал свое последнее произведение. Живое пламя Любви, которое он редактировал в последние месяцы своей жизни.

Любовь, связывающая Бога с Его творением и творение - с Богом, представляется уже не как путь к цели, не как страстное стремление, но как безраздельное, пламенное обладание: Сам Святой Дух соединяется с душой и горит в ней до тех пор, пока оба они не сольются в единое пламя.

И это отнюдь не праздное состояние, но "торжество Духа Святого", справляемое "в самой глубине души", преисполняющейся всевозможной радостью, трепетом, горением, блеском, прославлением.

Это самое страстное любовное объятие, которое только возможно на земле, охватывающее все сущее: Бог, если можно так сказать, пробуждается в душе, и весь сотворенный мир пробуждается в ней: лишь тончайший покров отделяет творение от вечной жизни - покров, который вот-вот разорвется.

Подобно пасхальной тайне, для нас остается загадкой, как в сердце Хуана сочетались самые возвышенные и радостные мистические переживания с унижительным житейским опытом предательства, поругания, физического и нравственного страдания.

В 49 лет Хуан тяжело заболел: на подъеме ноги у него открылась неизлечимая опухоль. Ему предложили выбрать монастырь, где за ним бы ухаживали, и он выбрал единственный монастырь, где настоятель был настроен по отношению к нему крайне недоброжелательно: он выделил ему самую бедную и узкую келью, не заботился о доставке ему необходимых лекарств, не раз попрекал его жалкими затратами на лечение и не разрешал друзьям посещать его.

Болезнь распространялась по всему телу, покрывшемуся язвами. Врачу, который лечил Хуана, выскребывая живую кость, казалось, что невозможно страдать так сильно и так смиренно.

Хуан принял страдание безраздельно: то, что он достиг такого глубокого единения с Богом, то, что он был "преображен любовью", никак не могло и не должно было умалить его подражания страстям Христа Распятого.

И он настолько "вошел в образ", что когда ему лечили рану на ноге, глядя на нее, растрогался, потому что ему казалось, что он видит пронзенную ногу Христа.

Но смерть приближалась: настала пятница 13 декабря 1591 года. Хуан был убежден, что он умрет на заре в субботу, в день, посвященный Пресвятой Деве Кармельской.

Накануне вечером он примирился со своим настоятелем: с непосредственностью, которую нам даже трудно себе представить, он попросил позвать его и сказал ему: "Отец мой, я умоляю Ваше Преподобие Христа ради дать мне облачение Пресвятой Девы, которое я носил, так как я беден и нищ и меня не в чем будет похоронить".

Потрясенный настоятель благословил его и вышел из кельи. Потом видели, как он плакал, "как будто проснулся от летаргического, смертного сна".

К вечеру Хуан попросил принести ему Евхаристию, шепча слова, исполненные нежности, а когда святое причастие уносили, сказал: "Господи, отныне я не увижу Тебя телесными очами".

Ночь приближалась, и Хуан уверял, что он "пойдет петь утреню на небо".

Около половины двенадцатого монастырская братия собралась у его изголовья, и Хуан попросил прочитать De profundis: он начал читать псалом, а монахи отвечали ему стихом на стих. Потом стали читать покаянные псалмы.

Приехал к Хуану и провинциал, старый отец Антонио - ему был 81 год, - вместе с которым он положил начало Дурвелю. Отец Антонио подумал, что напоминание о всех трудах Хуана для реформы ордена принесет ему облегчение. "Отец мой, - ответил ему Хуан, - сейчас не время говорить об этом; только ради заслуг Крови Господа нашего Иисуса Христа я надеюсь на спасение".

Начали читать молитвы об умирающих. Хуан прервал их, сказав: "Мне это не нужно, отец мой, прочтите что-нибудь из Песни Песней". И пока стихи из этой поэмы о любви звучали в келье умирающего, Хуан, как зачарованный, вздыхал: "Какие драгоценные жемчужины!".

В полночь зазвонили колокола к утрени, и как только умирающий услышал их, он радостно воскликнул: "Благодарение Богу, я пойду воспевать Ему хвалу на небесах!".

Потом он пристально посмотрел на присутствующих, как бы прощаясь с ними, поцеловал распятие и сказал по-латински: "Господи, в руки Твои предаю дух мой".

Так он умер, и присутствовавшие при его кончине рассказывали, что нежный свет и сильное благоухание наполнили келью.

И это не было обманчивым впечатлением, потому что уже четырнадцатью годами раньше, когда он томился в толедской тюрьме, его темница была наполнена светом, благоуханием, чудесными образами: всем, что нужно, чтобы писать стихи о любви.

Так Хуан де ла Крус исполнил свою миссию. По особой милости Божьей, Хуан как никто другой в истории Церкви отдал все свое существование, свой жизненный опыт, свою плоть Слову Божьему, чтобы оно вновь прозвучало как Слово Любви, в том числе и в стихах.

И плоть стала Словом, отвечая любовью Слову, ставшему плотью.

В заключение перечитаем одну из прекраснейших страниц, написанных Хуаном де ла Крус, - страницу, которой он заканчивает Молитву влюбленной души:

"Почему ты так долго медлишь, хотя можешь мгновенно возлюбить Бога в сердце твоём? Мои небеса и моя земля. Мои люди. Мои праведники и мои грешники. Мои ангелы и моя Матерь Божья. Все сущее мое. Сам Бог - мой и ради меня, потому что Христос - мой и весь Он - ради меня.

Чего же ты просишь и чего ищешь, душа моя? Все это твое, и все ради тебя.

Не останавливайся на маловажном и не довольствуйся крохами, падающими со стола Отца твоего. Выйди вон и гордись славой твоей! Спрячься в нее и наслаждайся ею, и ты получишь то, чего просит сердце твое".

Антонио Сикари. Портреты святых. Том 2.

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/page05.htm#4

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/